

Оригинальная статья / Original article

УДК 343.3

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-182-191>**Совершение преступления с публичной демонстрацией
как новелла уголовного законодательства****С.В. Шевелева¹✉, О.Г. Михайлова²**

¹Юго-Западный государственный университет
ек/ 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

² Барнаульский юридический институт МВД России
ул. Чкалова, д. 49, г. Барнаул 656038, Российская Федерация

✉ e-mail: decan46@yandex.ru

Резюме

Актуальность. В уголовный закон в качестве обстоятельства,отягчающего наказание, и квалифицирующего признака по отдельным составам преступлений был введен новый признак. Речь идет о совершении преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Данная новелла является важным, хотя и несколько запаздывающим шагом законодателя в вопросе противодействия треш-стримам, ежегодно все больше набирающим свою популярность в Сети.

Цель исследования заключается в установлении критериев термина «демонстрация», имеющих уголовно-правовое значение, а также уголовно-правовой оценке действий всех причастных к преступлению, сопровождаемому публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях.

Задачи: определить юридическое содержание неправового понятия «треш-стрим»; установить признаки демонстрации; дать уголовно-правовую оценку действий всех участников треш-стримов.

Методология основана на общенаучных методах, таких как анализ, синтез, а также на формально-логическом и методе толкования.

Результаты исследования показывают, что усиление ответственности за совершение преступления, сопровождаемого публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), является своевременным решением законодателя. Определены юридические признаки деструктивных контентов и термина «демонстрация», имеющих уголовно-правовое значение. Предложен алгоритм уголовно-правовой оценки действий всех причастных к совершению преступления, сопровождаемому демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях.

Выводы. Авторы предлагают понимать треш-стримы как демонстрацию не только преступных, но и аморальных или унижительных действий в отношении другого лица. Демонстрация предполагает возможность передачи данных без возможности последующего использования, то есть только он-лайн либо совершение действий в присутствии неопределенного круга лиц. Лицо, совершающее насильственные действия, и лицо, осуществляющее видеосъемку, являются соисполнителями. Высказана идея о необходимости введения самостоятельного преступного деликта в отношении тех лиц, которые просматривают деструктивный контент, высказывая одобрение или оплачивая проведение данного «зрелища».

Ключевые слова: треш-стрим; уголовный закон; деструктивный контент; соучастие; интернет-демонстрация.

Финансирование: Работа выполнена в рамках Государственного задания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Шевелева С.В., Михайлова О.Г. Совершение преступления с публичной демонстрацией как новелла уголовного законодательства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 182–191. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-182-191>.

Поступила в редакцию 01.03.2025

Принята к публикации 24.03.2025

Опубликована 28.04.2025

© Шевелева С.В., Михайлова О.Г., 2025

Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право / Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law. 2025;15(2):182-191

Committing a crime with public demonstration as a novel in criminal law

Svetlana V. Sheveleva¹✉, Olga G. Mihailova²

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

²Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
49 Chkalova Str., Barnaul 656038, Russian Federation

✉e-mail: decan46@yandex.ru

Abstract

Relevance. The introduction into the criminal law as an aggravating circumstance and a qualifying feature for certain types of crimes related to the commission of a crime involving public demonstration, including in the media or information and telecommunications networks (including the Internet), is an important, albeit somewhat delayed step by the legislator in countering trash streams, annually increasingly gaining popularity on the web.

The purpose of the study is to establish criteria for the term "demonstration" that have criminal legal significance, as well as a criminal legal assessment of the actions of all those involved in a crime accompanied by a public demonstration in the media or information and telecommunications networks.

Objectives: to determine the legal content of the wrong concept of "trash stream"; to establish signs of demonstration; to give a criminal legal assessment of the actions of all participants in trash streams.

The methodology is based on general scientific methods such as analysis, synthesis, as well as formal logic and interpretation methods.

The results of the study show that increasing responsibility for the co-commission of a crime accompanied by a public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet) is a timely decision by the legislator. The legal features of destructive content and the term "demonstration", which have a criminal legal meaning, are identified. An algorithm is proposed for the criminal assessment of the actions of all those involved in the commission of a crime, accompanied by a demonstration in the media or information and telecommunication networks.

Conclusions. The authors propose to understand trash streams as a demonstration of not only criminal, but also immoral or humiliating actions against another person. The demonstration assumes the possibility of transmitting data without the possibility of subsequent use, i.e. only online or performing actions in the presence of an indefinite circle of people. The person committing the violent act and the person making the video are co-executors. The idea of the need to introduce an independent criminal tort against those persons who view destructive content, expressing approval or paying for the conduct of this "spectacle" is expressed.

Keywords: trash stream; criminal law; destructive content; complicity; Internet demonstration.

Funding. The work was carried out within the framework of the State Assignment Legal measures to ensure strategic priorities for countering threats to national security (FENM-2025-0010). Registration number 1024031900131-7-5.5.1.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Sheveleva S.V., Mihailova O.G. Committing a crime with public demonstration as a novel in criminal law. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(2):182–191. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-2-182-191>.

Received 01.03.2025

Accepted 24.03.2025

Published 28.04.2025

Введение

Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ ряд статей уголовного закона был дополнен квалифицирующим

признаком, касающимся совершения преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телеком-

муникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Цель данных новелл заключается в уголовно-правовом противодействии так называемым треш-стримам¹, существенно повышающим общественную опасность деяния, т. к. преступление транслируется неограниченному кругу лиц, что может создавать иллюзию дозволенности и безнаказанности нарушения уголовно-правового запрета, а сам преступник демонстрирует особую дерзость, пренебрежение общественным ценностям.

Методология

Сравнительно-правовой анализ нормативно-правовой базы использовался для установления сходных признаков составов преступлений, где фигурирует квалифицирующий признак публичной демонстрации, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Изучение судебной практики по уголовным делам, связанным с жестоким обращением с животными, сопровождаемыми публичной демонстрацией, осуществлялось для прогнозирования признаков, релевантных для уголовно-правовой оценки совершения преступлений против личности, где введен рассматриваемый авторами признак. Авторами изучены позиции ученых относительно рассматриваемых новелл, проведен анализ доктринальных подходов в части ключевых понятий, входящих в предмет исследования.

Результаты и их обсуждение

Введение рассматриваемых изменений закона вызвало одобрительную реакцию среди специалистов в области уго-

ловно-правовых наук [1]. Еще до введения указанных изменений высказывались мнения о юридическом регулировании ответственности за унижительные челенджи [2, с. 90], подчеркивалась социальная обусловленность противодействия девиантному поведению в сети Интернет [3], осуществлялся криминологический анализ деяний, совершаемых внутри субкультуры треш-стрима [4, с. 108], а также их жертв [5]. Во многом треш-стримы оцениваются как проявление молодежной субкультуры [6], совершаемые в погоне за популярностью [7]. Ученые едины во мнении о необходимости ужесточения ответственности за треш-стримы [8, с. 61], предлагая различные варианты решения проблемы [9].

Так, Ю.С. Пестерова, С.Е. Тимошенко указывают на запаздывающий характер криминализации треш-стримов и в целом уголовно-правовой реакции на преступные деликты, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [10, с. 596]. Сходную точку зрения высказывает Д.В. Толков, отмечая, что треш-стримы обрели популярность в интернет-пространстве ближе к 2014 г. Однако вначале зрителей привлекали неадекватным поведением, например, разрушением предметов в комнате, алкогольным опьянением, наступавшем в процессе эфира [11, с. 24]. Возрастающая популярность треш-стримов привела к тому, что блогеры в погоне за популярностью в прямом эфире стали прибегать к насилию или унижению людей. Когда в сети «Интернет» стали массово появляться ролики с жестоким избиением человека и даже убийством «на камеру», стало очевидно, что средств уголовно-правовой реакции явно недостаточно.

Собственно, подобный «запаздывающий» характер криминализации характерен и для треш-стримов в отношении животных. Напомним, в 2017 г. ст. 245 УК РФ была дополнена квалифицирую-

¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона N 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Гарант: сайт. URL: <https://base.garant.ru/77097331/> (дата обращения: 13.01.2025).

щим признаком¹, текстуально полностью совпадающим с тем, который введен в качестве квалифицирующего в отдельных умышленных преступлениях против личности в 2024 г. Эти изменения были «спровоцированы» громким делом «хабаровских живодерок», которые систематически мучили и убивали животных и размещали фото и видео в сети «Интернет»². Несмотря на широкий резонанс данного дела виновным А. Орловой, А. Савченко было назначено 150 часов обязательных работ [12, с. 97]. Одновременно рассматриваемый квалифицирующий признак был добавлен в ст. 258¹ «Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации».

В целом треш-стримы, понимаемые как некий деструктивный контент за деньги, так называемые донаты, имеют расхождение в трактовке деталей. Каков должен быть такой деструктивный контент? Одни авторы полагают, что необходимо вести речь о противоправном поведении, сопровождающемся жестокостью в отношении живых существ или людей [13, с. 101]; другие указывают на противоправное поведение без «привязки» к жестокости [10, с. 597], третьи, что контент может содержать как амораль-

ные, так и преступные деяния [12, с. 100]. Ю.С. Пестерева, С.Е. Тимошенко характеризуют его как «провокационный контент насильственного характера» [10, с. 607]. Учитывая, что основная аудитория треш-стримов – это подростки, возникает необходимость размежевания понятия «треш-стрим» и «кибербуллинг». Последний понимается как травля сверстников подросткового возраста на камеру. Следовательно, кибербуллинг является частью треш-стримов. Что касается содержания треш-стрима, то, полагаем, его стоит понимать максимально расширительно – демонстрация не только противоправных, но и аморальных и (или) унижительных действий в отношении другого лица.

О необходимости введения рассматриваемого квалифицирующего признака неоднократно отмечалось в научных публикациях [14, с. 1221]. В результате в доктрине сложилось три подхода решения проблемы уголовно-правового противодействия треш-стримам: 1) закрепление как обстоятельства, отягчающего наказание; 2) введение унифицированного квалифицированного признака в отдельные составы преступлений против личности; 3) закрепление специальной нормы [15, с. 90].

Совершение уголовно наказуемого деяния, сопровождаемого публичной демонстрацией, в том числе в СМИ или в сети «Интернет», выступает в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «т» ч.1 ст. 63 УК РФ) либо в качестве квалифицирующего состава по таким преступлениям, как убийство, умышленное причинение вреда здоровью (всех видов тяжести), побои, истязание, угроза убийством, похищение человека, незаконное лишение свободы и использование рабского труда. Законодатель не пошел по пути создания специализированной нормы.

Полагаем, в правоприменительной практике могут возникнуть определенные сложности, связанные с неоднознач-

¹ О внесении изменений в статьи 245 и 258¹ Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 20 дек. 2017 г. № 412-ФЗ // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285616/ (дата обращения: 13.01.2025).

² Ужесточение закона о жестоком обращении с животными. Петиция // Онлайн-платформа для петиций «Change.org». URL: <https://www.change.org/p/ужесточение-закона-о-жестоком-обращении-с-животными-петиция?j=213746&sfmc> (дата обращения: 13.01.2025).

ностью понимания термина «демонстрация», квалификации действий соучастников и иных прикосновенных к преступлению лиц. Прогнозируемы и другие правоприменительные противоречия. Учитывая ограниченность данного исследования, попытаемся сформулировать авторское видение на два указанных вопроса.

В рассматриваемом признаке используется дефиниция «демонстрация». Демонстрация предполагает восприятие информации неопределенным кругом лиц, поэтому демонстративные действия могут совершаться в присутствии очевидцев либо посредством трансляции. Квалификация преступного деяния в присутствии людей не вызывает проблем в правоприменительной практике. Так, ФИО11 осужден по п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ за жестокое обращение с животным, совершенное «...безмотивно и беспричинно, что дает основания квалифицировать содеянное, как совершенное из хулиганских побуждений, в общественном месте, в присутствии многочисленных очевидцев, т. е. с публичной демонстрацией своих действий»¹. Примечательно, что свидетели издевательства над животным в суде не опрашивались ввиду очевидности ситуации.

Аналогично не были опрошены свидетели по уголовному делу, по которому ФИО1 был признан виновным за жестокое обращение с животным с публичной демонстрацией. «Из установленных судом фактических обстоятельств следует, что беспричинно, из хулиганских побуждений, под надуманным предлогом накормить животное, ФИО1 попросил сотрудника полиции ...передать ему в окно кошку. Завладев животным, осознавая, что в непосредственной близости от

дома находятся посторонние лица – сотрудники полиции, действуя с прямым умыслом, в целях причинения боли животному и желая лишить его жизни, демонстративно на подоконнике, имевшемся у него ножом, перерезал кошке шею и бросил ее тело в сотрудников полиции. В результате противоправных действий ФИО1 кошка погибла. При этом демонстративно облизал от крови животного нож. Через непродолжительное время, выйдя на улицу, продолжил демонстрировать сотрудникам полиции противоправные действия в отношении трупа животного»².

Несколько сложнее решается вопрос с онлайн-демонстрацией. Впервые термин «демонстрация» появился в тексте уголовного закона применительно к публичной демонстрации, распространению или рекламированию порнографических материалов или предметов в 2012 г. (ч. 2 ст. 242 УК РФ). Сложившаяся судебная практика показала, что правоприменитель не проводит разницу между демонстрацией и распространением³, несмотря на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, исходя из которых распространение понимается как передача файлов, которые далее также могут использоваться, в том числе передаваться. Демонстрация

² Апелляционное постановление № 22-5961/2020 от 9 октября 2020 г. по делу № 1-111/2020 Пермского краевого суда Пермского края // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PqVKO0Rw5eQR/> (дата обращения: 13.01.2025).

³ Так, Г. разместил в файлообменнике архив с порнографическими изображениями и передал ссылки на данные материалы другим лицам. Однако «заказов» на видеоролики не поступило. Суд расценил действия Г. как хранение в целях распространения, распространение, публичная демонстрация и рекламирование материалов порнографического характера. См.: Постановление Президиума Московского областного суда от 26.10.2011 № 488. Дело № 44У-333/11; Апелляционное определение Московского городского суда от 07.12.2015. Дело № 10-16541,2015.

¹ Приговор № 1-227/2021 от 25 июня 2021 г. по делу № 1-227/2021 Наро-Фоминского городского суда Московской области // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/8tGKМоеbk4xj/> (дата обращения: 13.01.2025).

заключается в открытом показе без возможности самостоятельного использования (путем сохранения на своем компьютере, размещения на интернет-страницах от своего имени и т. п.)¹. Иными словами, распространение дает возможность получателю в дальнейшем пользоваться полученным контентом, демонстрация исключает такую возможность.

Специалисты выделяют еще один специфичный признак демонстрации: синхронность действий лица, осуществляющего демонстрацию, с восприятием аудиовизуального произведения зрителем [14, с. 125]. Иными словами демонстрация должна осуществляться в условиях реального времени, а не в качестве записи состоявшегося события, т. е. представляет собой онлайн-трансляцию. Учитывая, что законодатель использует предлог «с» и творительный падеж дефиниции «демонстрация», лингвистически это означает совместимость, сопровождение. Данный специфичный признак фактически разграничивает (с точки зрения уголовного закона) действия того, кто осуществляет действия «на камеру», и того, кто осуществляет фиксацию, в том числе и для последующего распространения. В связи с этим нет единства мнения относительно соучастия того, кто осуществляет непосредственное насилие над жертвой, и того, кто фиксирует на камеру и в дальнейшем распространяет в сети «Интернет». Так, применительно к ч. 2 ст. 245 УК РФ, ч. 3 ст. 258¹ УК РФ, где рассматриваемый квалифицирующий признак был введен еще в 2017 г., одни авторы указывают, что такие лица явля-

ются **соисполнителями**, если действуют согласованно и с единым умыслом. Пособниками будут выступать те, которые давали советы, оказывали техническую помощь в настройке сайта, содействовали «раскрутке данного контента [12, с. 100]. Заслуживает поддержки мнение А.А. Гребенькова о целесообразности расширения данного квалифицирующего признака текстом следующего содержания «... либо с использованием технических средств аудиовизуальной фиксации процесса совершения деяния с целью распространения или публичной демонстрации полученных материалов» [14, с. 125, 127]. Определяя тактику следственных действий, Ю.С. Пестерева, С.Е. Тимошенко выделяют лиц, целенаправленно следивших за трансляцией; невольных зрителей (трансляция вышла в числе рекомендаций); находящихся на месте совершения преступления (по месту съемки); лиц из круга общения того, кто осуществляет трансляцию (родственники, члены семьи, сожители). Указанных лиц авторы относят к свидетелям, даже тех, кто вносил плату за просмотр и (или) активно комментировали происходящее. Последние, по их мнению, совершают попустительство [10, с. 605–606]. Как известно, попустительство уголовно не наказуемо (кроме случаев, прямо предусмотренных законом), но представляется «ставить в один ряд» случайных свидетелей («невольные зрители») и тех, кто вносят плату за подобный контент, недопустимо.

В криминологии принято выделять два вида насильственной преступности против личности: насильственно-эгоистическая и корыстно-насильственная. Первая группа преступлений осуществляется ради удовлетворения самого процесса совершения; вторая группа – для решения финансовых вопросов. Учитывая, что обязательным элементом треш-стрима является получение вознаграждения от зрителей (донатов), такие уголовно-наказуемые деликты следует относить ко

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет": постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 37 // Бюл. Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3.

второй группе. Следовательно, те кто вносят донаты ради продолжения «зрелища», не могут считаться свидетелями. На наш взгляд, если донаты вносятся до начала совершения преступных действий, действия такого «плательщика» следует оценивать как подстрекательство, если в процессе осуществления насильственных действий «на камеру» – как пособничество. Но как представляется, вряд ли практика пойдет по подобному сценарию, скорее таких лиц будут признавать свидетелями ввиду сложностей со сбором доказательств (например, аккаунт, с которого лицо осуществляет просмотр, принадлежит другому лицу), множественности зрителей, заплативших за просмотр. Полагаем, для предупреждения такого рода преступлений лиц, поддерживающих подобных «блогеров» комментариями или оплатой просмотра, необходимо привлекать к ответственности аналогично той, которая предусмотрена за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), где состав должен быть с административной преюдицией.

Что касается того, кто совершает насильственное деяние против личности, и того, кто осуществляет видеосъемку, необходимо признавать соисполнителями, т. к. их действия взаимообусловлены, и только в этом случае обуславливается «выполнение» всех признаков объективной стороны рассматриваемого квалифицированного состава.

В завершение хотелось бы обратить внимание еще на один существенный, на наш взгляд, момент. Законодатель в качестве рассматриваемого квалифицированного состава предусмотрел его в отдельных умышленных преступлениях против жизни, здоровья и личной свободы, что вполне оправданно. Представляется, что аналогичный квалифицированный состав был бы уместен в ст. 131, 132 УК РФ, т. к. при изнасиловании или насильственных действиях сексуального харак-

тера, сопровождаемых онлайн-трансляцией, нарушается личная свобода – свобода выбора сексуального партнера, а последствия для жертвы подобной онлайн-трансляции еще более трагичны, нежели при причинении вреда здоровью.

Ученые полагают, что степень общественной опасности преступления при публичной демонстрации существенно возрастает при таких уголовно-правовых деликтах, как нарушение права на свободу совести и вероисповедания, хулиганство, вандализм, надругательство над телами умерших и местами их захоронения, реабилитация нацизма в форме осквернения символов воинской славы России, террористический акт, захват заложника, массовые беспорядки, акт международного терроризма [14, с. 126-127]. Другие авторы считают, что рассматриваемый квалифицирующий признак необходимо было предусмотреть в ст. 156, 131, 132, 133 УК РФ. Их аргументы сводятся к высокой распространённости издевательства тех лиц над несовершеннолетними, которые несут за них обязанность по воспитанию (для ст. 156 УК РФ); последствия распространения в онлайн-пространстве видео изнасилования или насильственных действий сексуального характера негативно сказываются на потерпевшем (для ст. 131, 132 УК РФ); ст. 133 УК РФ морально устарела, т. к. не соответствует современной ситуации «...и возможностям виртуального преследования жертвы, более того, подобное преследование может не иметь целью склонение к сексуальному контакту, а следовательно, полностью находится за рамками состава» [10, с. 600]. Однако законодатель решение подобной проблемы определил посредством установления отягчающего наказания обстоятельства.

Выводы

Совершение преступления, сопровождаемого публичной демонстрацией, повышает общественную опасность деяния и в перспективе создает иллюзию

дозволенности нарушения закона. Поэтому рассмотренные новеллы своевременны и необходимы. В представленной архитектонике рассмотренного признака демонстрация должна пониматься либо как совершение деяния в присутствии неопределенного круга лиц, либо посредством онлайн-трансляции. Действия лица, совершающего преступления «на камеру», и действия лица, осуществляюще-

го видеосъемку, следует оценивать как соисполнительство. Полагаем, в рамках дальнейшей законотворческой деятельности по противодействию треш-стримам возможно установление уголовной ответственности для «зрителей», которые либо высказывают комментарии, либо вносят плату за подобный деструктивный контент.

Список литературы

1. Треш-стриминг: проблемы уголовно-правового регулирования / Е.А. Писаревская, М.А. Дворжицкая, А.А. Маланьин, Д.Е. Савельева // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2(189). С. 312-316.
2. Полунина Е.Н., Антонова А.В. Проблемы законодательного регулирования ответственности за "треш-стрим" в Интернете // Закон и право. 2021. № 3. С. 90-91. <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-3-90-91>.
3. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 6(127). С. 202-210. <https://doi.org/10.17803/19941471.2021.127.6.202-210>.
4. Паноян А.К. Криминологический и уголовно-правовой анализ деяний, совершаемых внутри субкультуры треш-стрима // Союз криминалистов и криминологов. 2021. № 4. С. 108-118.
5. Асташкина П.Д. Криминологическая характеристика жертв треш – стрима // ExLegis: правовые исследования. 2022. № 1. С. 5-8.
6. Гришаева С.А., Пушкарева Н.Н. Треш-стримы как проявление молодежной субкультуры // Цифровая социология. 2023. Т. 6, № 4. С. 29-38. <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-29-38>.
7. Капитонова Е.А. Пранки, треш-стримы и другие новые формы девиантных действий, совершаемых в погоне за популярностью: проблемы квалификации // Уголовное право. 2024. № 2(162). С. 24-34. https://doi.org/10.52390/20715870_2024_2_24.
8. Абрамян С.К. Проблемные аспекты ужесточения ответственности за треш-стримы в Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 2. С. 61-64. <https://doi.org/10.23672/SAE.2024.23.77.002>.
9. Левандовская М.Г. Условия применения единообразного подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 263-267.
10. Пестерева Ю.С., Тимошенко С.Е. Уголовно-правовые, криминологические, криминалистические аспекты публичной демонстрации преступлений против личности в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 4. С. 596-608. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-4-596-608>.
11. Толков Д.В. Проблемы уголовной ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Современное законодательство: перспективы и пути развития: материалы межрегиональной научно-практической онлайн-конференции. Ростов н/Д: Ростов. гос. экон. ун-т (РИНХ), 2024. С. 24-26.
12. Шкеле М.В., Кузнецова Н.И. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети "Интернет" // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1(77). С. 97-100.

13. Кара И.С. Профилактическое значение предполагаемого ужесточения законодательства о публичной демонстрации, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет"), сцен насилия, издевательств над людьми // Право: история, теория, практика: сборник статей и материалов межрегиональной научно-практической конференции. Брянск: Брян. гос. ун-т им. акад. И.Г. Петровского, 2024. С. 101-110.

14. Гребеньков А.А. Интернет-трансляция совершения преступления в российском уголовном законодательстве и судебной практике // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2022. № 1(69). С. 121-128. <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2022.1.121>.

15. Фильченко А.П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (треш-стримов) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4. С. 90-100. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-460-90-100>.

Reference

1. Pisarevskaya E.A., Dvorzhitskaya M.A., Malan'in A.A., Savel'eva D.E. Thrash streaming: problems of criminal law regulation. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian Law Journal*. 2024;2(189):312-316. (In Russ.)

2. Polunina E.N., Antonova A.V. Problems of legislative regulation of liability for "trash streaming" on the Internet. *Zakon i pravo = Justice and Law*. 2021;(3):90-91. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2073-3313-2021-3-90-91>.

3. Gracheva Yu.V., Malikov S.V. Trash stream: the social conditionality of criminalization. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2021;16(6):202-210. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/19941471.2021.127.6.202-210>.

4. Panosyan A.K. Criminological and criminal law analysis of acts committed within the subculture of trash stream. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminologists and Criminologists*. 2021;(4):108-118. (In Russ.)

5. Astashkina P.D. Criminological characteristics of trash stream victims. *ExLegis: pravovye issledovaniya = ExLegis: Legal Studies*. 2022;(1):5-8. (In Russ.)

6. Grishaeva S.A., Pushkareva N.N. Trash streams as a manifestation of youth subculture. *Tsifrovaya sotsiologiya = Digital Sociology*. 2023;6(4):29-38. (In Russ.) <https://doi.org/10.26425/2658-347X-2023-6-4-29-38>.

7. Kapitonova E.A. Punks, thrash streams and other new forms of deviant acts committed in pursuit of popularity: problems of qualification. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*. 2024;(2):24-34. (In Russ.) https://doi.org/10.52390/20715870_2024_2_24.

8. Abramyan S.K. Problematic aspects of stricter responsibility for trash streams in the Russian Federation. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, socio-economic and Social Sciences*. 2024;(2):61-64. (In Russ.) <https://doi.org/10.23672/SAE.2024.23.77.002>.

9. Levandovskaya M.G. Conditions for the application of a uniform approach to the construction of a qualifying feature of a public demonstration of crimes against a person. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*. 2024;(10):263-267. (In Russ.)

10. Pestereva Yu.S., Timoshenko S.E. Criminal law, criminological, criminalistic aspects of public demonstration of crimes against the person in the information and telecommunication network "Internet". *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Legal Review*. 2024;21(4):596-608. (In Russ.) <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2024-21-4-596-608>.

11. Tolkov D.V. Problems of criminal liability for crimes involving public demonstration, including in the mass media or information and telecommunication networks. In: *Sovremennoe zakonodatel'stvo: perspektivy i puti razvitiya: materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii = Modern legislation: prospects and ways of development: proceedings of the Interregional scientific and practical online conference*. Rostov-on-Don: Rostov. gos. ekon. un-t (RINKh); 2024. P. 24-26. (In Russ.)

12. Shkele M.V., Kuznetsova N.I. Criminal liability for public demonstration of crimes against animals on the Internet. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(1):97-100. (In Russ.)

13. Kara I. S. The preventive significance of the proposed tightening of legislation on public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet) of scenes of violence, bullying of people. In: *Pravo: istoriya, teoriya, praktika: sbornik statei i materialov mezhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Law: history, theory, practice: collection of articles and materials of the interregional scientific and practical conference*. Bryansk: Bryansk. gos. un-t im. akad. I.G. Petrovskogo; 2024. P. 101-110. (In Russ.)

14. Greben'kov A.A. Internet broadcast of the commission of a crime in Russian criminal legislation and judicial practice. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Tver State University. Series: Law*. 2022;(1):121-128. (In Russ.) <https://doi.org/10.26456/vtpravo/2022.1.121>.

15. Fil'chenko A.P. Protection of public morality from encroachments in the form of live broadcasts of illegal behavior (trash streams). *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii = Proceedings of Management Academy of the Ministry of Interior of Russia*. 2021;(4):90-100. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2021-460-90-100>.

Информация об авторах / Information about the Authors

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: decan46@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8358-8924

Svetlana V. Sheveleva, Doctor of Sciences (Juridical), Professor, Dean of the Faculty of Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: decan46@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8358-8924

Михайлова Ольга Геннадьевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Барнаульский юридический институт МВД России, г. Барнаул, Российская Федерация, e-mail: olga-michailova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1888-9488

Olga G. Mihailova, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Barnaul, Russian Federation, e-mail: olga-michailova@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-1888-9488